

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 2.

15 ЯНВАРЯ.

1909 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

А. Куприна. „Слонъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Н. Манасѣина. Разсказы для дѣтей. Съ иллюстраціями художниковъ: *Т. Гиппиусъ, В. Замирайло, А. Линдемманъ, А. Мурашко, М. Сабашникова, П. Соловьевой, (Allegro) и Е. Чичаговой.* Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

П. Соловьевой (Allegro). „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиппиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.

Анатолий Франсъ. „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасѣиной.* Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

М. С. Безобразовой. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Цѣна **25** к.

В. П. Поливанова. „Воронъ“ — „Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Новыя изданія журнала „ТРОПИНКА“.

В. Малахѣева-Мировичъ. „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.

О. Бгльевская. „Канобль“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.

„Семилѣтка“: Народныя сказки въ пересказѣ *П. Соловьевой (Allegro).* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.

Джекъ Лондонъ „Бугъ“. (Исторія одной собаки). Переводъ *Н. Манасѣиной.* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.

Allegro. Открытки въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.

Н. Манасѣиной. „На Рождествѣ“. Три разсказа для дѣтей съ рисунками: *Т. Гиппиусъ, Г. Нарбута и П. Соловьевой.* Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.

П. Соловьевой (Allegro). „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ, съ рисунками. Цѣна **20** к.

П. Соловьевой. „Первое Апрелья“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна **15** к.

Выписывающіе книги и открытки черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

1909 годъ.

Январь № 2.

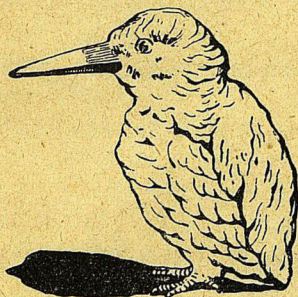
ЖУРНАЛЪ

ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Новый Январь—стихотвореніе *С. Городецкаго*.
2. Мамино дѣтство—повѣсть *Н. Манасеиной*. (Продолженіе.) Съ рисунками *А. Линдеманъ*.
3. Любимая книга англійскихъ дѣтей.
4. Стихотвореніе *Льюиса Кэрролла* про „Алису въ странѣ чудесъ.“—Переводъ *Allegro*.
5. Алиса въ странѣ чудесъ—*Льюиса Кэрролла*. Переводъ съ англійскаго *Allegro*.
6. Перепель о Савватія—разсказъ *Ю. Насвѣтовой*.
7. Море—*Митлэ*. Сокращенный переводъ *П. С.*
8. Шарады.
9. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 1-мъ №.

Новый Январь.

АБИЯКА и лгунишка,
Просто уличный мальчишка
Новый нынѣшній Январь,
Нѣтъ, не такъ бывало встарь!—
 (Это плачутъ Январи,
 Что ушли въ календари).
Но малышъ Январь хохочетъ,
Изъ кроватки вылѣзть хочетъ

И кричитъ себѣ во всю:

— Я моёзовъ не хосю!—

 (Соску бросилъ изо рта
 На вздремнувшего кота).

— Грубиянъ совсѣмъ мальчишка,
Не Январь, а Январиска!

Какъ дѣтей тутъ не пори,—
Разсердились Январи.

 (Вылѣзаютъ поскорѣй
 Изъ своихъ календарей).

— Пелеплеты, не пускайте!
Я одинъ хозяинъ, знайте!
Январи! На полки! Кишь!—
Закричалъ Январь-малышъ.

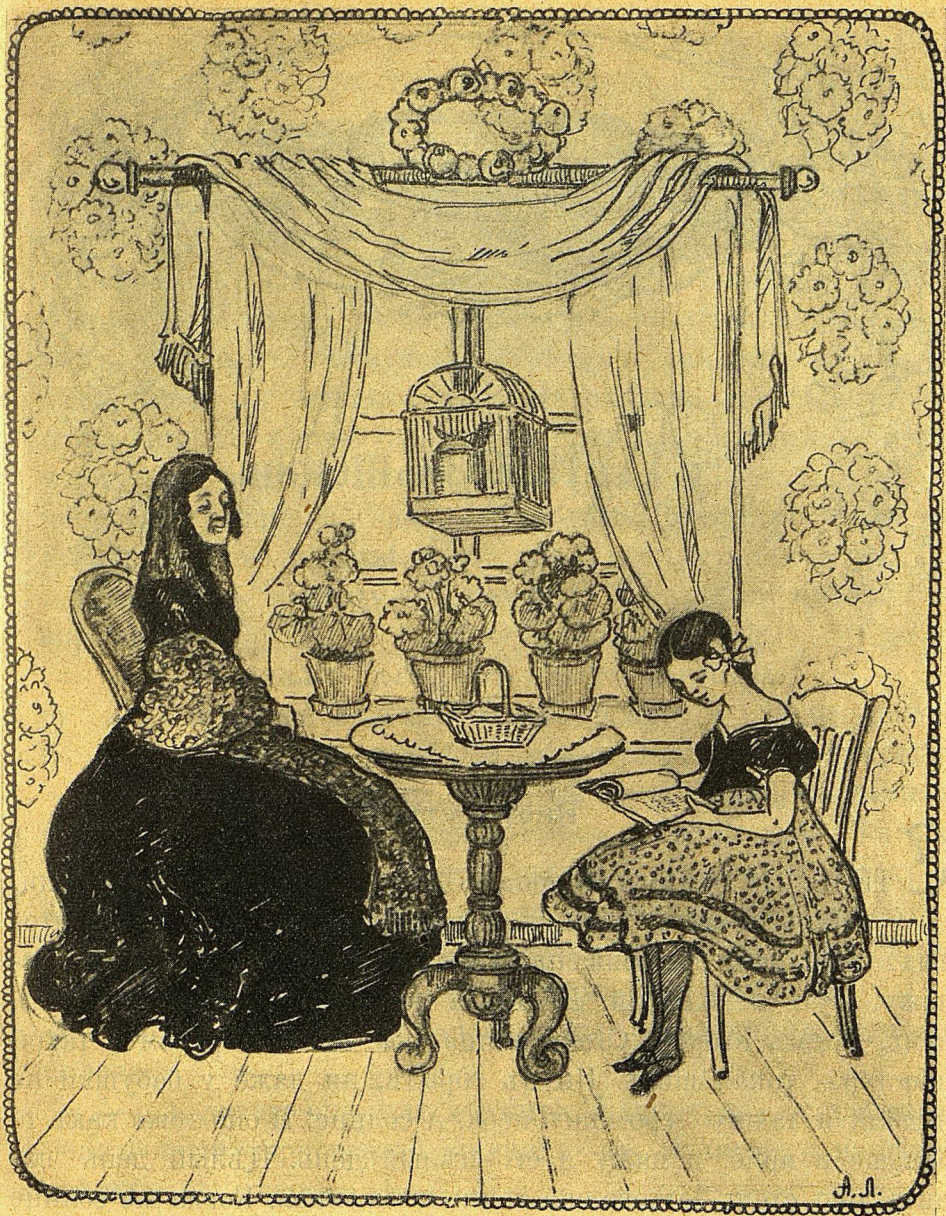
(И назадъ въ календари
Съ плачемъ лѣзуть Январи).

И теплѣтъ все, теплѣтъ,
Таетъ, каплетъ, не жалѣтъ,
Шубы лѣзутъ въ сундуки,
Внизъ съ полатей—старики.

(Вотъ какой пошелъ Январь!
Нынче все не такъ, какъ встарь).

Сергѣй Городецкій.

Два часа которые я оставалась у нея, только училась. (Стр. 12, № 1).

II.

Институтъ.

СТЕПЬ. По обѣимъ сторонамъ дороги степь. Степь впереди, степь позади. Звенятъ колокольчики подъ дугой почтовыхъ лошадей, припряженныхъ къ нашему собственному экипажу. Путь не близкій. До Кіева почти 600 верстъ. Мы ѣдемъ день, ѣдемъ второй. Степи конца не видно, кругомъ такой просторъ, такая ширь. Ни въ городѣ, ни даже у бабушки не видала я такого огромнаго неба. А солнце! И оно тоже какъ то больше и ярче, и вижу я его цѣлый день. Цѣлый день палить оно степь, оттого она точно выжженная. Когда же солнце садится и начинается темнѣть, мы заѣзжаемъ на постоянные

дворы или „корчмы“, какъ ихъ у насъ называютъ. Послѣ степного простора въ тѣсной и душной корчмѣ еще тѣнѣе и душнѣе.

И какъ хорошо раннимъ утромъ выбраться опять на просторъ къ солнцу, къ небу. Хорошо опять увидѣть степь.

Въ этотъ ранній часъ она, отдохнувшая за ночь и вся влажная отъ росы, такъ и дышетъ медовыми запахами. Здѣсь же, у корчмы, я спѣшу набрать бѣло-розовой павилики и съ пучкомъ влажныхъ, пахнувшихъ горькимъ миндалемъ цвѣтовъ, усаживаюсь въ экипажъ. И опять звенятъ колокольчики, и опять ничего, кромѣ огромнаго неба и безконечной степи, и я радуюсь, радуюсь до тѣхъ поръ, пока вдругъ мнѣ не становится страшно: и городъ, и бабушка, и все, все свое тамъ позади. Далеко позади! А мы все ѣдемъ и ѣдемъ.

— Скоро институтъ, маменька? — робко и испуганно спрашиваю я.

— Нѣтъ, далеко еще, — отвѣчаетъ папенька.

— Какъ, еще далеко?! Ёдемъ, ѣдемъ, а еще все далеко?!

Я вглядываюсь, стараюсь разсмотрѣть то, что впереди.

А впереди все та же, мѣстами скошенная, мѣстами выгорѣвшая отъ лѣтняго солнца, степь. Дождей давно не было. И я вижу все сквозь дымку пыли, и все вокругъ насъ сѣрое, и сами мы сѣрые. Пыль жжетъ глаза и хруститъ на зубахъ.

На пути попадаютъ деревеньки съ бѣлыми хатами подъ соломенной крышей и съ вишневыми садочками.

Въ одномъ такомъ садочкѣ мы остановились напиться молока.

— А далеко ли путь держите, панночка? — спрашиваетъ меня бойкая черноглазая дивчина въ монистахъ на шеѣ и цвѣтахъ на головѣ.

— Въ институтъ, — отвѣчаю я.

Лицо у дивчины сразу дѣлается глупымъ—преглупымъ.

— Это куда же, панночка?—испуганно спрашиваетъ она и даже присѣдаетъ отъ волненія.

Звенять подь дугой колокольчики. Опять и по сторонамъ, и впереди, и позади все та же степь, только отъ вечерняго сумрака еще болѣе посѣрѣвшая.

Мы торопимся на ночевку въ корчму.

Въ корчмѣ людно, шумно, суетливо, крикливо и грязно.

Намъ отводятъ отдѣльную комнату, но кругомъ шорохи, шопоты, топоты. Отецъ съ матерью спятъ. Я лежу съ открытыми глазами. Мнѣ страшно. Страшно всего непонятнаго, чужого, что вокругъ меня, страшно того, что меня завозятъ, далеко завозятъ, а куда, я и сама хорошенько не знаю. Въ институтъ. А что такое институтъ? О немъ я знаю, пожалуй, немногимъ больше глупой дивчины въ цвѣтахъ.

— Ёдемъ, все ёдемъ,—думается мнѣ подь звонъ колокольчиковъ,—все дальше и дальше буду я отъ своихъ, отъ бабушки!

Я больше ничего не вижу, ни на что не смотрю. Мнѣ только страшно и такъ жаль всего, что осталось за безконечной степью и страшными корчмами.

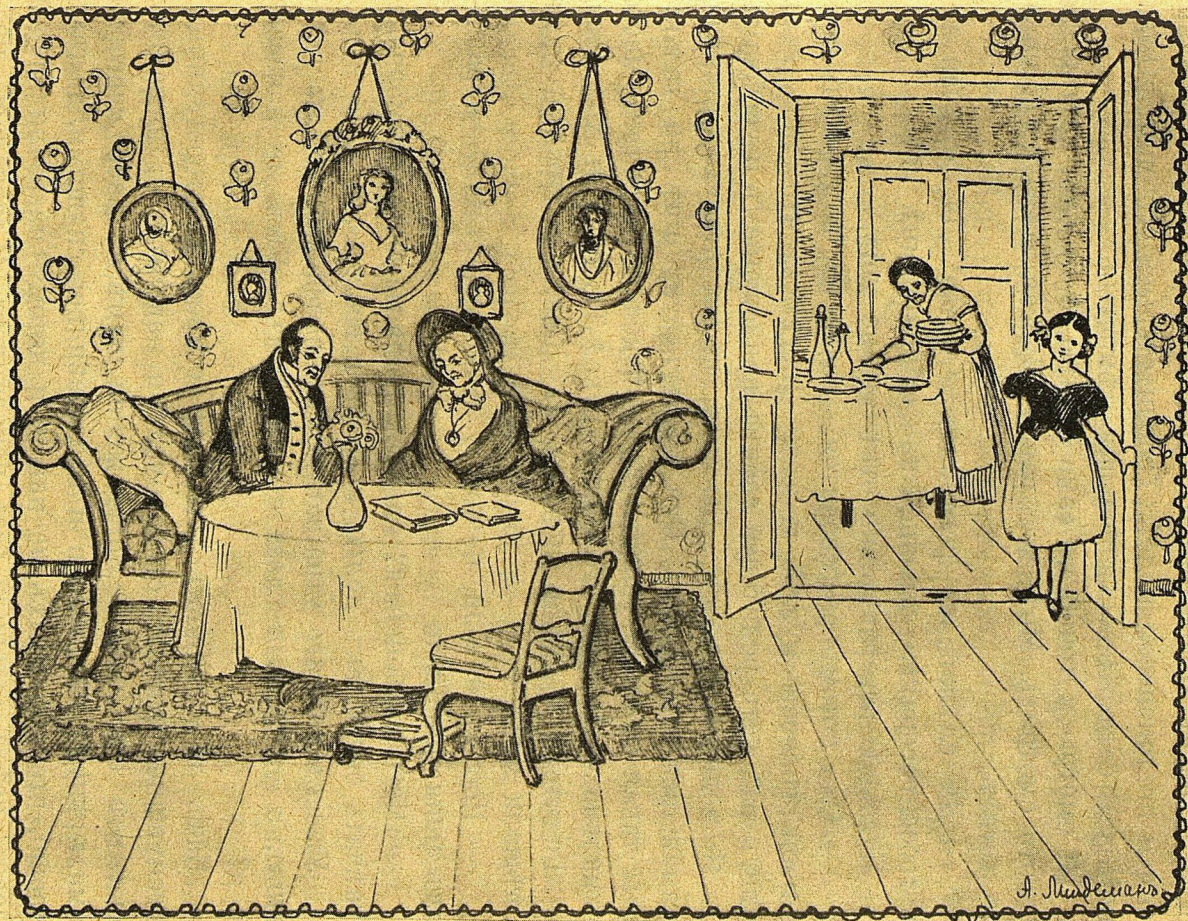
— Ты устала, Оля?—спрашиваетъ меня мать.—Ничего потерпи. Теперь скоро.

Я терплю. Сижу, какъ деревянная.

Въ такомъ состоянїи я и Кіева не разсмотрѣла. Помню только золотыя маковки церквей: ихъ было такъ много, что не замѣтить было нельзя. И въ колокола звонили. Вѣроятно день былъ праздничный.

Остановились мы въ гостинницѣ. Переночевали. На утро родители повезли меня въ институтъ.

— Такъ вотъ онъ какой,—всматриваюсь я въ бѣлое вы-

У дѣдушки. (Стр. 14. № 1).

сокое зданіе съ колоннами на горѣ. — Вотъ какой! — Мы поднимаемся по тополевой аллеѣ. Тополы старые, огромные. Около института садъ. Деревья большія, тѣнистыя.

Я смотрю и точно не сама смотрю, а кто то другой на все это смотреть. Мнѣ все равно. Пускай дѣлають со мной, что хотятъ.

— Да сдѣлай же реверансъ, Олечка! Да отвѣчай же, съ тобой говорятъ, — взволнованно шепчетъ мнѣ мать.

Я дѣлаю реверансъ, но отвѣчать не могу.

— Она потомъ разговорится, — раздается надъ моей опущенной головой чужой голосъ. — Надѣюсь, что дочь ваша будетъ радовать родителей своимъ прилежаніемъ и успѣхами.

Я поднимаю голову. Высокая, сѣдая старуха, длинная, прямая, вся въ черномъ. Она кладетъ руку мнѣ на голову. Рука такая тяжелая. Можетъ быть отъ колець? Ихъ такъ много на пальцахъ. И какая холодная рука. Тяжелая и холодная.

Родители прожили недѣлю въ Кіевѣ и каждый день навѣщали меня.

— Послушай, Оля, почему у тебя такой видъ? — спрашивалъ меня папенька.

— Чего ты боишься? — допрашивала маменька. Я молчала. Отвѣчать было такъ долго: я боялась всего.

Уже съ ранняго утра, когда раздавался звонокъ къ вставанью, я открывала глаза съ испугомъ: — Ужъ не наказана ли я?

Какъ то случилось, что двѣ старенькія второгодницы, проснувшись раньше срока, успѣли нашумѣть и нашалить, пока всѣ еще спали. Когда же на шумъ явилась классная дама, юркнули въ постели и представились спящими, да такъ хорошо, что виновныхъ не нашли и потому наказали цѣлый классъ: всѣхъ оставили безъ передниковъ. Я заспалась, про-

снулась, когда и классной дамы уже не было въ дортуарѣ. И вдругъ говорятъ: Наказаны! Безъ передниковъ!

— Такъ вотъ этотъ случай, когда я оказалась наказанной, пока еще спала, страшно меня напугаль. Спишь, а во снѣ уже наказана. Непонятно и очень какъ то страшно.

И широкихъ пустыхъ безконечныхъ корридоровъ я боялась, боялась гула шаговъ по нимъ, боялась бѣлыхъ стѣнъ классовъ и дортуаровъ, среди бѣлизны которыхъ такъ рѣзко выступали черныя скамьи со столами и кровати всѣ, какъ одна. Боялась я и классныхъ дамъ въ синемъ, даже воспитанницъ и тѣхъ боялась. Въ широкихъ юбкахъ, бѣлыхъ перелинахъ и бѣлыхъ фартукахъ, онѣ казались мнѣ всѣ на одно лицо. Въ дортуарѣ одна изъ дѣвочекъ, тоже новенькая, пробовала со мной заговорить. Днемъ мнѣ захотѣлось ее разсмотрѣть. Стала я искать ее глазами, всматриваться,—не нашла. Всѣ одинаковыя, всѣ, какъ одна. Потеряешь—никогда не найдешь. И свой классъ я плохо отличала. Запомнила коричневыя юбки и старалась отъ нихъ не отбиваться.

Родители уѣхали.

Въ послѣднюю минуту разставанія я такъ вцѣпилась въ маменьку, что меня съ трудомъ оторвали. Я плакала, билась, просилась домой, къ бабушкѣ.

Послѣ слезъ мнѣ стало легче. Съ меня сошла деревянность, душа оттаяла. Я стала привыкать къ институту и потомъ не только привыкла, но и полюбила его.

Я была казеннокоштной воспитанницей, и по тогдашнимъ институтскимъ правиламъ, такихъ, какъ я, отпускали на лѣтніе каникулы съ особаго разрѣшенія. Родители мои о такомъ разрѣшеніи не хлопотали. Жили они далеко отъ Кіева, выѣзжать изъ Каменецъ-Подольска было трудно. Отецъ былъ связанъ службой, мать домомъ и дѣтьми, которыхъ прибавлялось съ

каждымъ годомъ. Меня надо было привезти изъ института и доставить обратно. Желѣзной дороги тогда не было, и такое путешествіе было очень затруднительно и стоило дорого.

Въ то время казенныхъ воспитанницъ было больше, чѣмъ другихъ, учившихся на свой счетъ, и лѣтомъ насъ оставалось въ институтѣ много.

Лѣтніе дни мы съ утра и до вечера проводили въ большомъ, тѣнистомъ институтскомъ саду.

Въ саду этомъ были три открытыя галлерей. Вотъ въ этихъ галлерейхъ мы и просиживали цѣлыми днями. Гулять вволю намъ не позволяли.

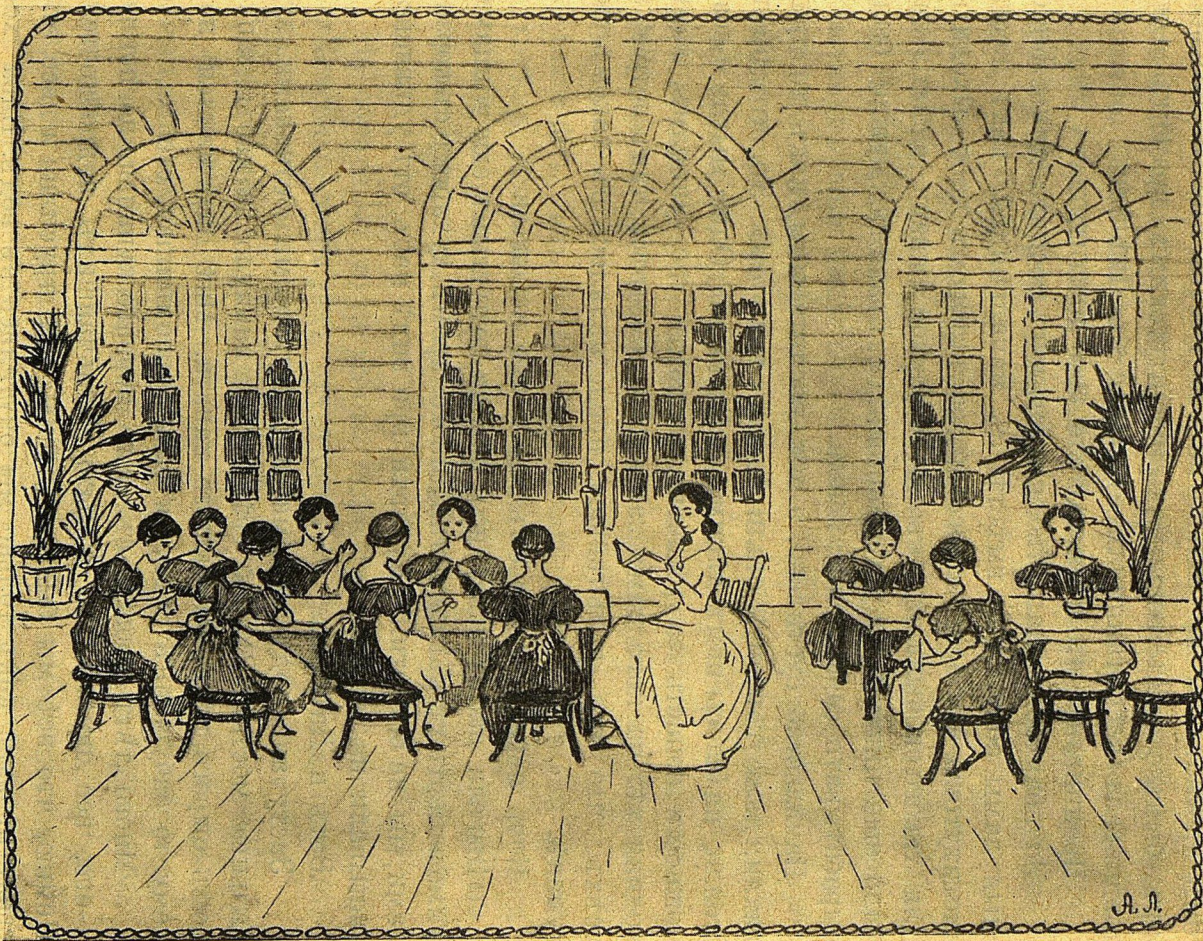
Сейчасъ же, послѣ утренняго чая, классная дама раздавала намъ институтское бѣлье. За лѣто мы должны были исполнить срочную работу. Кто не кончалъ, того наказывали. Во время шитья воспитанницы одна за другой читали по очереди по французски.

О нѣмецкомъ чтеніи я что-то не помню. Нѣмецкій языкъ у насъ былъ на второмъ планѣ. Главное вниманіе обращали на французскій.

Такъ просиживали мы за работой до двѣнадцати часовъ. Въ 12 завтракали, а послѣ 12-ти до 2-хъ отдыхали и тоже сидѣли въ галлерейхъ, но уже безъ шитья. Въ два часа намъ дѣлали диктовку русскую, французскую или нѣмецкую, а потомъ давали опять шитье и шили мы уже до 5 часовъ, когда раздавался звонокъ къ обѣду.

Послѣ обѣда намъ разрѣшалось гулять. Ходили по-парно по дорожкамъ верхней части парка. Внизъ спускаться было запрещено. Оттуда былъ видѣнъ Крещатикъ, самое людное мѣсто, а такое зрѣлище для институтокъ считалось неподходящимъ.

Помню, что Пироговъ, тотъ докторъ-хирургъ, который по-

Такъ просиживали мы за работой до двѣнадцати часовъ.

томъ прославился не только на всю Россію, но и на весь міръ, былъ у насъ главнымъ институтскимъ врачомъ. Онъ предписалъ воспитанницамъ купанье въ Днѣпрѣ.

Предписанье это взволновало весь институтъ.

Волновалось начальство, волновались воспитанницы. Клас-сныя дамы обсуждали вмѣстѣ съ начальницей, какъ вести институтокъ, что брать съ собой, въ которомъ часу выходить. Для такого небывалаго въ институтской жизни событія не было еще никакихъ установившихся правилъ, нужно было выработать совершенно новыя.

Начальство суетилось, а мы, воспитанницы, какъ то при-тихли, даже говорить стали больше шопотомъ. То, что пред-стояло, казалось намъ такимъ огромнымъ. Одна мысль о воз-можности попасть за рѣшетку и пройти по улицамъ, какъ ходили тѣ, на кого намъ запрещали смотрѣть, такъ потрясла всѣхъ, что все дальнѣйшее представлялось въ какомъ то туманѣ.

Ночь передъ купаньемъ мы почти не спали.

Вывели насъ очень рано и повели по пустымъ еще улицамъ мимо запертыхъ магазиновъ. Никого, кромѣ кухарокъ съ корзи-нами, мы не встрѣтили. Кухарки, при видѣ насъ, отъ удивленія застывали на мѣстѣ.

Вотъ и Днѣпръ.

Застучали подъ нашими институтскими ботинками ку-пальные мостки. Рѣчной свѣжестью пахнуло на насъ, запа-хомъ сырого лѣса, намокшаго каната. Мнѣ вспомнился по-чему то бабушкинъ садъ, ея розы, вспомнилась степь...

Много лѣтъ прошло съ этого перваго купанья, но помню я его, все помню, до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Помню, что всѣ мы были смущены, всѣ трусили и все это сразу прошло, какъ только мы очутились въ водѣ. Едва хо-

людныя струйки коснулись нашихъ тѣлъ, мы всѣ точно переродились. Пропалъ страхъ, исчезло смущеніе. Института, какъ не бывало. Было только солнце, вода, а въ водѣ мы, свободныя, какъ стая мелкихъ рыбешекъ, юлившихъ около темныхъ, по краямъ покрытымъ зеленой плесенью, купальныхъ ступенекъ.

Кто умѣлъ плавать—плавалъ, кто не умѣлъ—хватался за канатъ и билъ ногами. Брызги, плески, визги, хохоть, звонкій крикъ. Классныя дамы ходили вдоль рѣшетчатой загородки и, вытянувъ шеи надъ водой, шевелили губами, пугливо отскакивая отъ долетавшихъ брызгъ. Что онѣ говорили—про то знали только онѣ однѣ. Никто на нихъ не смотрѣлъ, никто ихъ не слышалъ, одни стрижиные крики стояли надъ вспѣнной водой. Все, что сдерживало насъ, оставили мы вмѣстѣ съ нашими казенными, аккурратно сложенными на скамьяхъ, платьями.

Выходить изъ воды, разставаться съ свободой никто не хотѣлъ. Классныя дамы уже не боялись брызгъ, стояли мокрыя и въ ужасѣ простирали къ намъ руки. Выходить изъ воды стали мы только тогда, когда намъ сдѣлалось холодно.

На обратномъ пути улицы были уже болѣе людныя.

Классныя дамы такъ отчитали насъ за купанье, пока мы одѣвались, что мы сразу притихли.

Шли чинно, парами, какъ насъ учили. На плечахъ у насъ были платки, на головахъ бѣлыя батистовыя шляпы съ полями, а подъ шляпами мокрые волосы. И всѣ встрѣчныя оборачивались на насъ, даже останавливались и долго смотрѣли вслѣдъ. Отъ смущенія мы, кромѣ самыхъ отчаянныхъ, такъ низко наклоняли головы, что ничей посторонній глазъ не могъ разсмотрѣть, до чего мы были взволнованы. Все это

вырвалось наружу, когда мы опять очутились за рѣшеткой, среди каменныхъ стѣнъ, въ галлерейхъ нашего сада.

И что это за сумбуръ начался. Въ этотъ день не шили и не читали. Воспитанницы ежеминутно срывались съ мѣстъ, подбѣгали другъ къ другу, потрогать все еще сырые волосы или перекликивались съ одного конца стола на другой, вспоминая разныя подробности купанья.

Классныя дамы останавливали, сердились, но ихъ плохо слушали. Даже обычная послѣобѣденная прогулка и та не состоялась. Воспитанницы точно разучились двигаться попарно, а нѣсколько отчаянныхъ даже очутились внизу и, вытянувъ шею, застыли въ созерцаніи Крещатика. Наказали всѣхъ до одной.

Потомъ приходила начальница...

Печально кончился день.

Больше насъ не водили купаться на Днѣпръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Любимая книга англійскихъ дѣтей.

В Англии есть одна книга, которую знаетъ и любитъ каждый англійскій ребенокъ. Эта книга — „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“ Льюиса Кэрролла. Кэрроллъ не настоящее имя писателя, написавшаго „Алису“, а псевдонимъ, т. е. выдуманное имя, которое онъ подписалъ подъ своимъ сочиненіемъ. Звали его Людвигъ Доджсонъ. Онъ родился въ 1832 году, жилъ въ городѣ Оксфордѣ и занимался математикой. Ему было уже 33 года, когда онъ написалъ свою „Алису въ странѣ чудесъ“ и этой книгой вскорѣ прославился на всю Англию. Ее читали не только дѣти, но и взрослые, и

многія выраженія и мысли изъ „Приключеній Алисы“ превратились въ поговорки, вошли въ обычное употребленіе въ англійской рѣчи.

„Приключенія Алисы“ были передѣланы въ театральныя пьесы. Ни одни Рождественскіе праздники не проходятъ въ Англии безъ этихъ представлений, вызывающихъ у зрителей неизмѣнно самый веселый смѣхъ.

Стихотвореніе Льюиса Кэрролла про „Алису въ странѣ чудесъ“.

ВЪ ДЫХАНЬѢ золотого дня
Безпечно мы плывемъ.
Двѣ пары ручекъ воду бьютъ
Послушливымъ весломъ,
А третья, направляя путь,
Хлопочетъ надъ рулемъ.

Что за жестокость! Въ часъ, когда
И воздухъ задремаль,
Вдругъ приставать ко мнѣ, чтобъ я
Имъ сказку разсказаль!
Но ихъ, вѣдь, три, а я одинъ
И я не устоялъ.

Мнѣ властно Первая велить:
— Ну, начинай разсказъ!
— Побольше, милый, небылицъ!—
Звучить Второй приказъ,
А Третья прерываетъ рѣчь
Въ минуту *только* разъ.

Но скоро смолкли голоса,
Все три внимаютъ мнѣ.

Воображенье ихъ ведетъ
По сказочной странѣ,
Съ Алисой рѣчь звѣрей и птицъ
Имъ внятна въ тишинѣ.

Когда же я, уставъ, рассказъ
Невольно замедлялъ
И „на другой разъ“ отложить
Смиренно умолялъ,
Три голоса кричали мнѣ:
— Другой разъ—онъ насталъ!—

Такъ о странѣ волшебныхъ сновъ
Рассказъ явился мой,
И приключеній возникалъ
И завершился рой.
Садится солнце, и плывемъ
Мы весело домой.

Алиса! повѣсть для дѣтей
Тебѣ я отдаю.
Въ вѣнокъ изъ пестрыхъ дѣтскихъ сновъ
Вплети мечту мою,
Какъ пилигримъ хранить цвѣтокъ,
Что росъ въ иномъ краю.

Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ.

ГЛАВА I.

Въ глубину кроличьей норы.

ЛИСЪ начинало становиться скучно сидѣть рядомъ съ сестрой на скамейкѣ и ничего не дѣлать. Разъ или два она заглянула украдкой въ книгу, которую сестра читала, но въ ней не было ни картинокъ, ни разговоровъ.

— И къ чему, — подумала Алиса, — книга, въ которой нѣтъ ни картинокъ, ни разговоровъ?— Она стала размышлять (насколько это было возможно, такъ какъ отъ жары ее клонило ко сну, и она нѣсколько отупѣла), доставить ли ей цѣпь изъ маргаритокъ достаточно удовольствія, чтобы стоило изъ-за нея вставать и собирать маргаритки, какъ вдругъ мимо и совсѣмъ близко пробѣжалъ Бѣлый Кроликъ съ розовыми глазами.

Въ этомъ не было ничего особенно замѣчательнаго; Алисѣ не показалось необычнымъ даже и то, что она услышала, какъ Кроликъ проговорилъ про себя:

— Ахъ Ты, Господи! Ахъ Ты, Господи! Я, вѣдь, опоздаю!— Когда Алиса вспоминала объ этомъ потомъ, то ей становилось ясно, что она должна была бы удивиться, но въ то время слова Кролика показались ей вполне естественными. Однако, когда Кроликъ самымъ настоящимъ образомъ вытащилъ часы изъ жилетнаго кармана, посмотрѣлъ на нихъ и поспѣшилъ

дальше, Алиса вскочила на ноги. Въ головѣ ея промелькнула мысль, что она никогда еще не видала ни жилетныхъ кармановъ у кроликовъ, ни часовъ, которые бы вытаскивали изъ этихъ кармановъ. Сгорая отъ любопытства, она побѣжала черезъ поле за Кроликомъ и успѣла только разглядѣть, какъ онъ нырнулъ въ отверстіе большой кроличьей норы подъ изгородью.

Въ слѣдующую секунду сама Алиса прыгнула вслѣдъ за нимъ, совершенно не разсуждая о томъ, какимъ образомъ выберется она оттуда обратно.

Кроличья нора на нѣкоторое пространство шла совершенно прямо, какъ туннель и вдругъ обрывалась внизъ такъ неожиданно, что Алиса, не успѣвъ подумать о томъ, чтобы удержаться, уже летѣла внизъ въ отверстіе, напоминавшее глубокой колодезь.

Или этотъ колодезь былъ необыкновенно глубокъ, или Алиса падала очень медленно, но только она вполнѣ успѣла осмотрѣться и подумать съ удивленіемъ, что же теперь съ нею будетъ.

Сначала она попробовала взглянуть внизъ, стараясь догадаться, что ее ожидаетъ, но было слишкомъ темно, чтобы что нибудь рассмотреть въ глубинѣ. Тогда она оглянулась по сторонамъ и увидела, что стѣнки колодца были уставлены шкапами съ посудой и полками съ книгами. То тамъ, то здѣсь висѣли на деревянныхъ гвоздяхъ географическія карты и

— Ахъ ты, Господи! Я, вѣдь, опоздаю! —

картины. Она взяла съ одной изъ полокъ кувшинчикъ, пролетая мимо. На немъ былъ ярлычекъ съ надписью: „Апельсинный мармеладъ“, но къ ея большому разочарованію, кувшинчикъ оказался пустымъ. Однако она не бросила его, боясь убить когонибудь внизу, а постаралась поставить въ одинъ изъ шкаповъ, мимо которыхъ пролетала.

— Ну, — подумала Алиса, — послѣ такого паденія, какъ сейчасъ, мнѣ ни почему будетъ кубаремъ скатываться съ лѣстницъ! Вотъ такъ храброй будутъ всѣ меня считать дома! Мнѣ теперь ровно ничего не значитъ даже свалиться съ крыши! (Это было весьма вѣроятно). И Алиса продолжала падать все ниже, ниже и ниже. Казалось, этому паденію не будетъ конца.

— Интересно бы знать, сколько миль я уже пролетѣла? — произнесла громко Алиса. — Вѣрно я уже близко теперь отъ центра земли. Позвольте-ка: онъ находится, кажется, на глубинѣ четырехъ тысячъ миль. (Дѣло въ томъ, что Алиса учила много подобныхъ вещей за уроками въ своей классной комнатѣ, и хотя ей не представлялся въ эту минуту особенно удобный случай выказывать свои познанія, такъ какъ ее некому было слушать, тѣмъ не менѣе для практики было недурно повторить пройденное).

— Да, приблизительно это вѣрное разстояніе, вотъ только я не знаю точно, какой широты и долготы я теперь достигла? — (Алиса не имѣла ни малѣйшаго понятія о широтѣ и еще меньшее о долготѣ, но ей было пріятно повторить вслухъ такія серьезные ученныя слова). Потомъ она продолжала:

— Хотѣлось бы мнѣ знать, куда же это, наконецъ, я упаду: можетъ быть, насквозь черезъ всю землю? Вотъ смѣшно-то будетъ вылѣзть и очутиться среди людей, которые ходятъ внизъ головой!

Какъ это ихъ называютъ? Есть такое слово; кажется: антипатіи. (Алиса въ эту минуту была довольна, что ее никто не слышитъ, потому что почувствовала, что ученое слово прозвучало не совѣмъ вѣрно).

— Я ихъ прямо спрошу, какъ называется ихъ страна. „Сударыня, скажите пожалуйста, это не Новая Зеландія? Или, можетъ быть, Австралія? — И Алиса попробовала присѣсть, произнося эти слова. Представьте только себѣ: присѣсть, падая съ огромной высоты!

Какъ вамъ кажется, удалось ли бы вамъ это сдѣлать?

— За какую невѣжественную дѣвочку сочтутъ они меня послѣ этого вопроса!—продолжала разсуждать сама съ собой Алиса.—Нѣтъ, лучше не спрашивать. Можетъ быть, названіе будетъ гдѣ нибудь написано, и я тогда сама прочту.—И она падала все ниже, ниже и ниже. Такъ какъ дѣлать при этомъ было совершенно нечего, то Алиса вскорѣ опять заговорила сама съ собой:

— Воображаю, какъ Дина будетъ скучать по мнѣ сегодня вечеромъ!—(Дина была кошка).

— Надѣюсь все-таки, что ей не забудутъ дать блюдечко молока. Милая моя Дина, какъ бы я хотѣла, чтобъ ты была теперь со мною!

Въ воздухѣ, конечно, нѣтъ мышей, но ты могла бы поймать летучую мышь, а летучія мыши очень похожи на простыхъ мышей. Но я не знаю навѣрно, ѣдятъ ли кошки летучихъ мышекъ?—

Тутъ Алису стало клонить ко сну, и она сквозь дремоту повторяла:

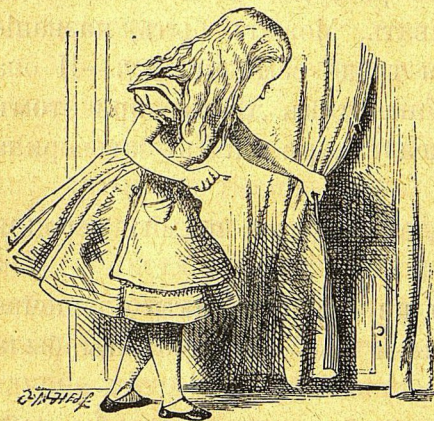
— Ёдятъ-ли кошки летучихъ мышекъ? Ёдятъ-ли кошки летучихъ мышекъ?—а иногда путала и у нея выходило:

— Ёдятъ-ли мышки летучихъ кошекъ? — Но такъ какъ

она не могла отвѣтить ни на одинъ изъ своихъ вопросовъ, то въ концѣ концовъ было все равно, какъ она ихъ произносила. Она совсѣмъ задремала, и ей даже приснилось, что она гуляетъ съ Диной, лапка съ лапочкой, и пресерьезно спрашиваетъ ее:

— Ну, Дина, скажи мнѣ сущую правду: ѣла ли ты когда нибудь летучую мышь?— какъ вдругъ, шлепъ! шлепъ! она шлепнулась и очутилась на кучѣ вѣтокъ и сухихъ листьевъ, и паденіе ея окончилось.

Алиса нисколько не ушиблась и въ ту же секунду вскочила на ноги. Она взглянула наверхъ, но вверху было темно. Передъ нею тянулся длинный про-

Она попробовала отпереть дверцу
золотымъ ключикомъ.

ходъ и видно было, какъ Бѣлый Кроликъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ по этому проходу. Нельзя было терять ни минуты; Алиса понеслась, какъ вѣтеръ, и добѣжала во время, чтобы слышать, какъ Кроликъ произнесъ, загибая за уголъ:

— Ой, бѣдная моя головушка съ ушами и усами, какъ поздно-то, какъ поздно!—

— Алиса вплотную подбѣжала къ Кролику, заворачивая за уголъ, но онъ вдругъ исчезъ изъ глазъ, и она очутилась въ длинномъ низкомъ залѣ, освѣщенномъ цѣлымъ рядомъ спускавшихся съ потолка лампъ. По обѣимъ сторонамъ зала шли двери, но всѣ онѣ были заперты.

Обойдя всѣ двери по одной и по другой стѣнѣ и попробовавъ отворить каждую изъ нихъ, Алиса печально прошла на середину зала, не зная, какъ же ей изъ него выбраться.

Вдругъ она набрела не маленькій столикъ на трехъ ножкахъ, сдѣланный изъ толстаго стекла.

На столѣ ничего не было, кромѣ маленькаго золотого ключика, и Алиса тотчасъ же пришло въ голову, что это ключикъ отъ одной изъ дверей. Но увы! или замочныя скважины были слишкомъ велики, или ключикъ былъ слишкомъ малъ, только имъ нельзя было открыть ни одной изъ дверей. Но, обходя двери вторично, Алиса обратила вниманіе на маленькую занавѣсочку, которой не замѣтила раньше, и за этой занавѣсочкой нашла маленькую дверку, около пятнадцати дюймовъ высоты. Она попробовала отпереть дверцу золотымъ ключикомъ, и къ ея великой радости, ключикъ подошелъ.

Алиса отперла дверь и увидала, что она вела въ маленькій проходъ, не больше крысиной норы.

Она встала на колѣни и, глядя въ проходъ, увидала садъ, самый очаровательный, какой только можно себѣ представить. Какъ ей хотѣлось выйти изъ этого темнаго зала и пройтись между клумбами сверкающихъ цвѣтовъ, среди прохладныхъ фонтановъ, но она не могла даже голову просунуть сквозь крошечную дверку.

— А если бы даже голова моя и прошла, — подумала бѣдная Алиса, — какая мнѣ была бы отъ этого польза, разъ что плечи застряли бы въ дверкѣ. Куда же годится голова безъ плечъ! О, какъ бы мнѣ хотѣлось умѣть складываться, какъ подзорная трубка! Мнѣ кажется, я бы сумѣла это сдѣлать, если бы только знала, съ чего начать. —

Съ Алисой только что случилось такъ много необычайнаго, что она начинала думать, что на свѣтѣ очень мало невозможнаго.

Такъ какъ стоять въ ожиданіи передъ крошечною дверкой казалось вполнѣ бесполезно, то Алиса вернулась къ столику съ слабой надеждой найти на немъ другой ключъ или хоть

книгу съ правилами, какъ складывать людей, подобно подзорнымъ трубкамъ. На этотъ разъ она нашла на столикѣ бутылочку (—этой бутылочки на немъ прежде не было, — сказала Алиса), а къ горлышку ея былъ привязанъ бумажный ярлычекъ съ надписью: „Выпей меня!“ прекрасно отпечатанной крупными буквами.

Написать все можно, отчего же не написать и „Выпей меня!“

Но умная Алиса не торопилась привести этотъ совѣтъ въ исполненіе.

— Нѣтъ, сказала она, — я сначала посмотрю, не стоитъ ли на бутылочкѣ гдѣ нибудь „ядъ“.

Она читала много миленькихъ и занимательныхъ исторій о дѣтяхъ, которыя сторали или были съѣдены дикими звѣрями и съ которыми случались другія такія же крупныя непріятности, и все это только отъ того, что эти дѣти не помнили здравыхъ совѣтовъ, преподанныхъ имъ ихъ друзьями, какъ напимѣръ, что раскаленная до-красна кочерга обожжетъ вамъ руку, если вы будете ее долго держать, что, если вы глубоко обрѣжете палець, то будетъ сильно идти кровь, и многое другое въ этомъ родѣ. Алиса никогда не забывала, что, если выпить много изъ бутылки, на которой стоитъ: „ядъ“, то весьма вѣроятно, что рано или поздно обнаружатся пагубныя послѣдствія такого поступка. Однако, на бутылочкѣ, которую нашла Алиса на стеклянномъ столикѣ, не было слова „ядъ“, и она рѣшила попробовать изъ нея немного. Ей показалось очень вкусно (правда, налитое въ бутылочкѣ имѣло пріятный вкусъ и запахъ, представлявшіе смѣсь вишневаго торта, суф-флэ, ананаса, жареной индѣйки, карамели и поджаренной булки съ масломъ), и она очень скоро выпила все до послѣдней капли.

— Что за странное ощущение!—проговорила Алиса.

— Я складываюсь, как подзорная трубка!

И въ самомъ дѣлѣ, въ ней было теперь не болѣе десяти дюймовъ, и лицо ея засіяло отъ радости при мысли, что она достигла размѣра, вполне подходящаго, чтобы пройти сквозь крошечную дверку въ очаровательный садъ. Но она еще подождала нѣсколько минутъ, не сожмется ли еще больше. При этомъ она чувствовала нѣкоторое волненіе:

— Знаешь ли, — сказала она самой себѣ,—вѣдь это можетъ кончиться тѣмъ, что я совсѣмъ растаю, какъ свѣчка. Не знаю, на что же я тогда стану похожа?—Она постаралась представить себѣ, на что бываетъ похоже пламя свѣчи, когда свѣчу задуваютъ, но никакъ не могла вспомнить, чтобъ ей удавалось когда нибудь видѣть подобную вещь.

Черезъ нѣсколько времени, видя, что ничего больше не случается,

Алиса рѣшила идти въ садъ, но,—бѣдная Алиса! подойдя къ дверкѣ, она вспомнила, что забыла ключикъ, а вернувшись къ столику, увидала, что не можетъ достать до ключика. Видѣла она его отлично сквозь стекло и сдѣлала все возможное, чтобы вскарабкаться на ножку стола, но эта ножка была слишкомъ скользкая. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ взобраться на нее, Алиса, въ полномъ изнеможеніи, сѣла и стала плакать.

— Ну, полно, нечего плакать, этимъ, вѣдь, не поможешь!—сказала сама себѣ Алиса довольно строго.

— Совѣтую тебѣ перестать сію же минуту!—

Она вообще всегда давала себѣ самой очень умные совѣты (хотя рѣдко слѣдовала имъ), а иногда такъ строго саму себя бранила, что доводила до слезъ. Одинъ разъ она даже попыталась выдрать себя за уши за то, что сплутовала въ партіи крокета, играя противъ себя же самой.

Алиса была странная дѣвочка и любила воображать, что въ ней два человѣка.

— Но теперь не стоитъ воображать, — подумала бѣдная Алиса,—что во мнѣ два человѣка. —Куда ужъ тутъ! Отъ меня такъ мало осталось, что едва хватитъ на одно порядочное человѣческое существо.—

Скоро ей на глаза попался маленькій стеклянный ящичекъ, стоявшій подъ столомъ. Она открыла его и нашла въ немъ крошечный пирожокъ, на которомъ были красиво выложены коринкой слова: „Съѣшь меня“.

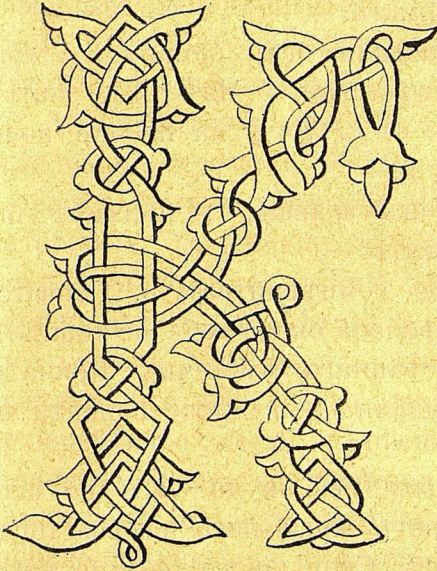
— Отлично, я его съѣмъ,—сказала Алиса,—и если я отъ этого вырасту, то смогу достать ключъ, а если сдѣлаюсь еще меньше, то пролѣзу подъ дверь. Тѣмъ или другимъ способомъ я попаду въ садъ, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ.—

Она откусила кусочекъ и съ безпокойствомъ стала спрашивать себя:

— Вырасту или уменьшусь? Вырасту или уменьшусь?— и при этомъ держала руку на темени, чтобы почувствовать, если начнетъ выростать. Ее очень удивило, что она оставалась прежняго роста. Собственно говоря, это довольно обычное явленіе, наблюдаемое всѣми, кто ѣстъ пирожки, но Алиса такъ привыкла ожидать всего сверхъестественнаго, что ей казалось скучнымъ и глупымъ, если жизнь начинала идти своимъ обычнымъ путемъ. Съ тѣмъ большимъ рвеніемъ принялась она за пирожокъ и очень скоро покончила съ нимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перепель о. Савватія.

УПИТЕ, батюшка, перепела!—

— На что онъ мнѣ? Есть у меня уже одинъ. Да и не охотникъ я, самъ знаешь, покупать лѣтомъ птицъ.

— Купите, батюшка! Перепель особенный. Только вчера пойманный. Вотъ гляньте-ка! Перышки, какъ глянцемъ покрыты, такъ и блестятъ. Сидѣлый такой не бываетъ. И крупный. А ужъ кричить, отдай все, да мало!—

Съ этими словами, высокій, худой мужикъ, таинственно вытащивъ изъ подъ полы рваного армячишка самодѣльную клѣтку—плетушку изъ ивовыхъ прутьевъ съ холстиннымъ верхомъ, поднесъ ее къ самому носу старенькаго, маленькаго монаха, сидѣвшаго на скамьѣ у воротъ архіерейскаго дома.

— Вижу, вижу... Дѣйствительно не дурень,—бросивъ зоркій взглядъ во внутрь клѣтки, оживился монахъ. А что это только, будто, у него крылышко въ крови, а?—

— Да, то косой маленько затронулъ. Ужъ очень крѣпко сидѣлъ... Какъ головы не снесъ только удивительно! Да то заживетъ, такъ, самая малость... А ужъ и зоркій же у васъ

глазъ, батюшка, о. Савватій: въ темнотѣ и то запримѣтили,—смущенно почесывая затылокъ, отвѣтилъ мужичекъ.

— То-то „запримѣтили“... Осторожнѣй бы нужно быть... А ты откуда знаешь, что кричить хорошо? Самъ, вѣдь, сказывалъ, что вчера только и поймалъ?—

— Вчерась, вчерась, о. Савватій, безъ обману... А кричить дуже хорошо! Такъ и отчеканиваетъ! Мнѣ ли не знать... Сколько разъ слыхалъ, не одну, вѣдь, ночь на покосѣ ночевалъ. Голосистъ, дуже голосистъ!—

— Да, ты же почему, братецъ, знаешь, что поймалъ того самого перепела, котораго слышалъ?—

— Да ужъ это вѣрно... Не сомнѣвайтесь, о. Савватій! Перепелъ строгій: ни одного перепела около себя не терпѣлъ, всѣхъ поразгонялъ изъ облюбованнаго мѣстечка. Кричать, много дѣйствительно кричало вдали, а поближе подойти ни одинъ не смѣлъ.—

— Ну, ладно, ладно... Возьму его, куда ужъ не шло, чтобы тебя выручить... Подживетъ крылышко скоро, тогда выпущу, а нѣтъ, такъ перезимуетъ. Сколько же тебѣ за него? Сорокъ копѣекъ довольно?—

— Что это вы, батюшка, о. Савватій? Развѣ можно? За такого-то перепела? Да за него меньше семи гривенъ никакъ нельзя взять.—

— Ну, бери полтинникъ и дѣло съ концомъ! Берешь что ли?—

— Давайте, о. Савватій, только ужъ для васъ. Берите, утѣшайтесь, батюшка.— И мужичекъ, очень довольный состоявшимся торгомъ (онъ отлично зналъ, что на птичьемъ базарѣ за перепела съ поврежденнымъ крыломъ никто больше четвертака не далъ бы), поставилъ клѣтку съ перепеломъ на скамейку и получилъ полтинникъ.

— Благодарю покорно, батюшка! Владѣйте съ Богомъ! Бывайте здоровы!—И, надвинувъ старую шапченку на глаза, мужичекъ веселый и довольный отправился на базаръ за покупками, а о. Савватій забралъ клѣтку съ перепеломъ и, торопливо сѣменя ногами и размахивая, какъ крыльями, широкими рукавами рясы, что дѣлало его очень похожимъ на птицу, понесъ свою покупку къ себѣ въ келью.

О. Савватию недавно стукнуло 69 лѣтъ, но онъ держится совершенно прямо и замѣчательно бодръ и живъ для своего возраста. У него большая сѣдѣющая борода, живые, пронизательные, маленькіе, черные глаза. Все лицо его свѣтится сердечной добротой. Росту о. Савватій ужасно маленькаго; другой двѣнадцатилѣтній мальчикъ будетъ выше его на цѣлую голову. Ходитъ онъ быстрой, суетливой походкой, отчего кажется, что онъ всегда куда то торопится. Онъ старожиль архіерейскаго дома и прошелъ здѣсь послѣдовательно всѣ степени монашества, начиная отъ послушника. Теперь онъ давно уже старшій іеромонахъ и, кромѣ того, исполняетъ должность ключаря при архіерейской церкви, что приносить ему не мало заботъ. Нынѣшній владыко, какъ и бывшій передъ нимъ, любитъ и уважаетъ своего маленькаго хлопотливаго, суетливаго ключаря, да и вообще о. Савватія любить безъ исключенія всѣ обитатели архіерейскаго дома, отъ владыки до малыша-пѣвчаго включительно. О. Савватій большой любитель птицъ, и въ высокой, свѣтлой кельѣ его съ двумя громадными окнами, обращенными на югъ, виситъ всегда нѣсколько клѣтокъ съ его пернатыми любимцами. Но только зимой. Лѣтомъ эти клѣтки, кромѣ двухъ, обыкновенно пустуютъ; пернатые жильцы ихъ, выпущенные на свободу послѣ обѣдни въ день Благовѣщенія о. Савватиемъ, веселые и радостные разлетаются по обширному Божьему міру.

Осенью же, съ наступленіемъ первыхъ холодовъ, пустующія лѣтомъ квартиры вновь наполняются новыми щебечущими, кричащими и поющими на разные лады квартирантами. Перезимовавъ въ теплѣ, окруженные нѣжной заботливостью и любовью о. Савватія, въ то время, какъ на дворѣ трещать морозы и гудить и завываетъ мятель, а въ трубѣ жалобно стонеть и плачетъ вѣтеръ, они, съ наступленіемъ тепла, въ свѣтлый день Св. Благовѣщенія, получаютъ свою свободу. И долго, послѣ этого дня, ходитъ о. Савватій какой то разсѣянный и задумчивый, и избѣгаетъ оставаться подолгу одинъ въ своей кельѣ. Она кажется ему такой тихой и пустой. Ему недостаетъ шумныхъ, веселыхъ голосовъ его зимнихъ гостей, къ которымъ за шесть мѣсяцевъ успѣло привязаться сердце одинокаго, стараго монаха. Только въ двухъ клѣткахъ жильцы живутъ, не смѣняясь, уже нѣсколько лѣтъ. Въ одной изъ нихъ сидитъ старая, лысая канарейка. Отъ старости она давно перестала пѣть. Въ другой—перепелъ. Съ перепеломъ этимъ вышла особенная исторія. Когда, весной, о. Савватій захотѣлъ выпустить его, оказалось, что, разжирѣвшій и засидѣвшійся за зиму въ клѣткѣ, перепелъ совсѣмъ разучился летать и не могъ подняться выше четверти отъ земли. Пришлось о. Савватію, изъ опасенія, что онъ не выберется изъ архіерейскаго сада и попадетъ на зубы какой-нибудь кошкѣ, посадить его обратно въ клѣтку. Такъ онъ и остался, будя своего хозяина лѣтними ночами рѣзкимъ звонкимъ крикомъ: „спать пора!“ Въ концѣ концовъ о. Савватію пришлось выставлять на ночь его клѣтку за окно, такъ какъ сосѣдъ его, старый болѣзненный монахъ, сталъ жаловаться, что неугомонный „крикунъ“ не даетъ ему спать.

Крылышко вновь прибрѣтеннаго о. Савватіемъ перепела оказалось, при ближайшемъ осмотрѣ, серьезно поврежденнымъ.

— Голубчикъ мой, сыночекъ мой, знаю что больно, потерпи капельку, что же дѣлать то? Вотъ подожди, Богъ дастъ скоро поправится крылышко твое, — ласково приговаривалъ о. Савватій, примачивая поврежденное крылышко бившагося въ его рукахъ перепела „березовкой“, въ цѣлебную силу которой онъ крѣпко вѣрилъ. И крылышко дѣйствительно быстро зажило отъ „березовки“, но летать перепелъ больше такъ и не могъ, а такъ какъ подходящей клѣтки у о. Савватія не нашлось, самодѣльная же клѣтка-плетушка мужичка была слишкомъ мала и тѣсна, то и бѣгалъ онъ по всей обширной кельѣ на свободѣ.

— Ничего! Не горюй, сыночекъ, безъ крыла еще жить можно. Довѣкуемъ ужъ съ тобой какъ-нибудь вмѣстѣ, — ласково утѣшалъ его о. Савватій. Такъ и пошелъ перепелъ за „Сыночка“.

— Ну, что, какъ вашъ „Сыночекъ“ поправляется? — останавливалъ, улыбаясь, какой-нибудь монахъ или пѣвчій суетливо бѣгущаго куда-нибудь о. Савватія. О. Савватій останавливался и на его благодушномъ, старческомъ лицѣ тотчасъ расцвѣтала широкая улыбка.

— Ничего, ничего, благодарствуйте! Поправляется „Сыночекъ“. Повеселѣлъ, шустрый такой сталъ! — отвѣчалъ онъ, растроганный участіемъ къ своему любимцу. Лучшаго удовольствія нельзя было доставить о. Савватию, какъ спросивъ о его пернатыхъ друзьяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, „Сыночекъ“ и не думалъ горевать. Онъ быстро поправился, освоился съ своимъ новымъ положеніемъ и скоро сталъ на диво ручнымъ. Скоро послышалось и его „спать пора“! Но голосъ у него былъ совсѣмъ иной, чѣмъ у „Крикуна“, не такой рѣзкій и металлическій, и звучалъ гораздо красивѣй, мягче и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отчетливѣй.

— Совсѣмъ, какъ теноръ нашего Семена Ивановича, — улыбаясь и поглаживая бороду, говорилъ о. экономъ о. Савватию, называя перваго солиста архіерейскаго хора, обладавшаго дѣйствительно чуднымъ теноромъ.

— Ну, ужъ это вы, кажется, черезчуръ о. экономъ! — смущенно лепеталъ въ отвѣтъ, въ душѣ очень довольный сравненіемъ, старикъ.

Къ о. Савватию „Сыночекъ“ привязался какъ собака, и съ радостнымъ, тихимъ ворчаньемъ, спѣшно бѣжалъ ему всякій разъ навстрѣчу, когда тотъ, даже послѣ недолгаго отсутствія, входилъ къ себѣ въ келью. А безъ о. Савватія онъ скучалъ. По крайней мѣрѣ, въ отсутствіе стараго монаха веселое „спать пора“ звучало тише, какъ-то неувѣренно и гораздо рѣже. Но вотъ что было замѣчательно: ни разу, съ самого перваго дня своей совмѣстной жизни съ о. Савватиемъ, не случилось, чтобы Сыночекъ позволилъ своимъ „спать пора“ разбудить утромъ своего хозяина. Недвижно сидѣлъ онъ въ своемъ любимомъ уголку, гдѣ проводилъ ночь и, какъ бы голоденъ ни былъ, терпѣливо поджидалъ, пока о. Савватій не проснется, не зашевелится и не откроетъ глаза. Правда, о. Савватій привыкъ вставать рано, часовъ въ 5—6, но все же лѣтомъ время между разсвѣтомъ и часомъ вставанія о. Савватія казалось навѣрное очень долгимъ просыпавшемуся съ первой полоской зари голодному Сыночку. Разъ, только разъ за все время случилось Сыночку потревожить утромъ сонъ своего хозяина. Но когда же? Въ десять часовъ. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Лѣтомъ, страдая отъ жары и припадковъ старческаго удушья, о. Савватій частенько спалъ прямо на полу, гдѣ ему казалось прохладнѣй и легче дышалось. Однажды, утомленный частыми припадками удушья, проведя мучительную, бессонную ночь, о. Савватій заснулъ въ пятомъ

часу утра, почти въ то время, когда обыкновенно уже вставалъ. Долго, терпѣливо, не шевелясь, сидѣлъ Сыночекъ въ своемъ уголку, дивуясь непонятно-долгому сну своего хозяина, но, наконецъ, ему стало не въ мочь. Онъ выбрался изъ своего уголка и съ тихимъ ворчаньемъ началъ кружиться вокругъ лежавшаго на полу и крѣпко спавшаго старика. Обѣжавъ нѣсколько разъ кругомъ и видя, что это не дѣйствуетъ, Сыночекъ, не долго думая, вскочилъ на грудь спавшаго хозяина и изо всѣхъ силъ началъ теревить его длинную сѣдую бороду, чѣмъ, конечно, не замедлилъ разбудить его, къ великому своему удовольствію.

За утреннимъ чаемъ, который о. Савватій пилъ часовъ въ семь, а если была его недѣля и онъ служилъ обѣдню, то часовъ въ десять, Сыночекъ получалъ неизмѣнно свою долю хлѣбныхъ крошекъ. Это составляло какъ бы его второй завтракъ. Обыкновенно, если о. Савватій пилъ чай одинъ (о. Савватія, какъ я говорила выше, всѣ любили и частенько заглядывали къ нему въ келью), онъ сажалъ Сыночка на столъ. Тотъ свободно разгуливалъ между чашками и тарелками, подбиралъ крошки, любовался издали, кокетливо поворачивая на лѣво и на право головку, на свое изображеніе, отчетливо отражавшееся въ ярко вычищенномъ, блестящемъ, какъ жарь, мѣдномъ самоварѣ. Жарь этого самовара Сыночекъ ужъ разъ испробовалъ и съ тѣхъ поръ никогда близко не подходилъ къ нему. При этомъ нужно сказать, Сыночекъ велъ себя всегда примѣрно; въ высшей степени аккуратно, осмотрительно и прилично. Ни разу не свалилъ, не разбилъ и не испачкалъ ничего. За чаемъ они благодушно и мирно бесѣдовали другъ съ другомъ, причемъ на каждое слово о. Савватія Сыночекъ отвѣчалъ тихимъ одобрительнымъ ворчаніемъ. Покончивъ съ чаемъ, о. Савватій надѣвалъ на носъ большіе очки въ ста-

ринной мѣдной оправѣ, бралъ библію или Евангеліе и погружался въ чтеніе или занимался переплетнымъ мастерствомъ, которое очень любилъ, а наѣвшійся въ волю Сыночекъ, спокойно усаживался на подолъ рясы хозяина. Тамъ онъ или начиналъ дремать, убаюканный тихимъ шепотомъ читавшаго о. Савватія, или же, раззадоренный крикомъ Крикуна за окномъ, затыгивалъ въ свою очередь свое отвѣтное „спать пора“.

За обѣдомъ повторялась та же исторія; только съ той разницей, что посаженный на столъ Сыночекъ непременно пробовалъ всѣ блюда, поставленныя на столъ, суя повсюду свой носикъ, и кушалъ съ аппетитомъ все, что ему приходилось по вкусу. Скоро онъ такъ привыкъ, что началъ ѣсть почти все, что ѣлъ о. Савватій, кромѣ остраго и соленаго.

Какъ бы сознавая безсиліе своего поврежденнаго крыла, Сыночекъ никогда не рѣшался самъ спрыгнуть со стола. Обыкновенно, если онъ хотѣлъ спуститься на полъ, онъ съ громкимъ ворчаньемъ начиналъ быстро бѣгать назадъ и впередъ по краю стола, слегка помахивая здоровымъ крыломъ. То же самое было, когда онъ желалъ, чтобы его посадили на подоконникъ окна, на которомъ онъ любилъ грѣться на солнышкѣ, и куда, лишенный возможности летать, самъ не могъ возвратиться. Лишь только замѣчалъ онъ первый лучъ солнца, ударявшій въ стекла, тотчасъ же спѣшилъ къ окну съ громкимъ ворчаньемъ и начиналъ бѣгать передъ нимъ назадъ и впередъ, суетливо перебирая маленькими ножками.

Походкой своей, мелкой и суетливой, онъ вообще до странности напоминалъ суетливую, мелкую походку своего хозяина. Посаженный на окно, онъ сначала долго возился и приводилъ въ порядокъ свои перышки, потомъ ложился на бокъ, протягивалъ ножки, распускалъ крылышки и блаженно щуриль черные круглые глазки. Прогрѣвъ хорошо одинъ бочекъ, онъ

переворачивался на другой, потомъ опять на первый и т. д. безчисленное число разъ. Самая сильная жара, самый сильный солнцепекъ не могли заставить его покинуть свое мѣсто. Онъ только открывалъ клювъ, совсѣмъ закрывалъ глаза и еще больше взъерошивалъ всѣ свои перышки, весь замирая и млѣя отъ блаженства въ горячихъ солнечныхъ лучахъ.

Кромѣ солнечной ванны, о. Савватій каждую субботу устраивалъ ему еще и песочную ванну „для чистоты, отъ блохъ“ какъ онъ говорилъ. Для этого онъ приносилъ ему ящикъ наполненный пескомъ. Эту ванну Сыночекъ тоже очень любилъ и, съ довольнымъ ворчаніемъ, тотчасъ самъ прыгалъ въ ящикъ, гдѣ и купался и возился съ такимъ азартомъ, что пыль стояла столбомъ надъ ящикомъ, а самъ Сыночекъ долго послѣ нея встряхивался, оставляя послѣ себя пыльный слѣдъ.

Тихими лѣтними вечерами, когда темнѣло и въ небѣ, тихо мерцаая, зажигались одна за другой, „Божьи лампы“, кроткія ласковыя звѣзды, о. Савватій, сидя рядомъ съ Сыночкомъ на широкомъ подоконникѣ открытаго окна, любилъ слѣдить за ихъ появленіемъ. Иногда, придя въ глубокое умиленіе и поднявъ глаза къ усѣянному звѣздами небу, монахъ тихимъ старческимъ голосомъ затягивалъ вечернюю пѣснь Сыну Божію: „Свѣте тихій, Святыя славы“.. Потомъ пѣлъ торжественную пѣснь Амвросія Медиоланскаго: „Тебя Бога хвалимъ“. Одна молитва смѣнялась другой, ей вторили соловьи внизу, въ густой чащѣ кустовъ вѣковаго архіерейскаго сада, и задорное, жизнерадостное кваканье лягушекъ въ архіерейскомъ пруду. Долго крѣпился Сыночекъ, сидѣвшій молча и поджавъ ножки, на подолѣ рясы о. Савватія. Онъ прислушивался къ общей музыкѣ, но, наконецъ, не могъ больше терпѣть, и скоро его звучный мягкій теноръ тоже присоединялся къ ночному хору, подзадоривая висѣвшаго въ клѣткѣ за окномъ

Крикуна. Крикунъ, въ свою очередь, присоединялъ къ нему и свой голосъ, трогая этимъ еще больше душу о. Савватія.

— Каждая тварь по своему Господа Бога и Творца своего прославляетъ. „Всякое дыханіе да хвалить Господа“—съ глубокимъ умиленіемъ говорилъ онъ.

Но не всегда все шло мирно и гладко между о. Савватіемъ и его Сыночкомъ. Иногда и они ссорились. Начиналъ всегда Сыночекъ. На него вдругъ находилъ капризь. Случалось это часто, когда, послѣ долгаго отсутствія, о. Савватій при возвращеніи слишкомъ мало, какъ казалось Сыночку, обращалъ на него вниманія. Тогда Сыночекъ обижался и дулся. Но еще хуже бывало, если о. Савватій возвращался съ кѣмъ нибудь постороннимъ и, занятый разговоромъ, дѣйствительно мало обращалъ вниманія на своего избалованнаго любимца. О, тогда Сыночекъ не только обижался, но, кажется, и ревновалъ, и надувался на долго. Напрасно послѣ этого, проводя гостя, отецъ Савватій звалъ и манилъ его, называя самыми нѣжными именами, предлагая ему любимое конопляное сѣмя. Сыночекъ и слушать ничего не хотѣлъ, не шевелился и не откликался. Онъ неподвижно сидѣлъ въ своемъ уголкѣ, насмѣшливо поглядывая оттуда своими умными, круглыми черными, глазами на своего хозяина, какъ будто дѣло касалось совѣмъ не его. Если же о. Савватій подходилъ къ нему, онъ поспѣшно пряталъ голову подъ крыло и притворялся крѣпко спящимъ или вскакивалъ и, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ приближающагося хозяина, суетливо бѣжалъ въ другой уголокъ, гдѣ или опять преспокойно усаживался или озабоченно и пресмѣшно начиналъ скрести лапками гладкій полъ, дѣлая видъ, что очень занятъ отыскиваніемъ воображаемаго корма. Кончалось тѣмъ, что о. Савватій начиналъ волноваться не на шутку и серьезно разогорчался упрямствомъ своего любимца. Такъ

продолжалось нѣсколько часовъ, иногда цѣлый день, а въ особенныхъ случаяхъ, до утра слѣдующаго дня. Въ концѣ концовъ Сыночекъ однако складывалъ гнѣвъ на милость, смягчался, и ссора заканчивалась къ великому облегченію огорченнаго о. Савватія трогательнымъ примиреніемъ, причемъ трудно сказать, кто былъ болѣе доволенъ, о. ли Савватій или его капризный, вспыльчивый, но нѣжно любимый Сыночекъ.

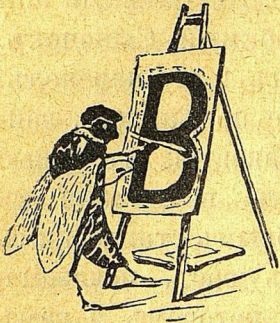
О. Савватій живъ и теперь; здравствуетъ и его перепелъ. Если будете когда нибудь въ городѣ П., не полѣнитесь, зайдите въ архіерейскій домъ и спросите о. Савватія; его келью укажетъ вамъ всякій. Маленькій монашекъ, величиной съ „ноготокъ, съ бородой въ локотокъ“, съ добрымъ старческимъ лицомъ гостепріимно и радушно встрѣтитъ васъ, покажетъ вамъ своего нѣжно-любимаго Сыночка, о которомъ я вамъ рассказала, и, польщенный вашимъ вниманіемъ, съ любовью расскажетъ вамъ много любопытнаго и поучительнаго изъ его жизни, а, если захотите послушать, такъ изъ жизни и нравовъ и другихъ птицъ, которыхъ у него перебивало такъ много. Всѣ эти пернатые, воздушные, нѣжно любимые друзья его такъ скрашиваютъ его одинокую, старую, монашескую жизнь.

Ю. Насвѣтова.

М о р е.

ХІІІ *).

Раковины.

Ъ способности обороняться отъ враговъ и отъ всякой опасности морской ежъ достигъ совершенства. Дальше идти въ этомъ направленіи было нельзя. Но именно въ этомъ-то и состояло несчастье морского ежа: онъ не только заперся, онъ зарылся, самъ вырылъ себѣ могилу. Онъ самъ себя засадилъ въ тюрьму, лишилъ всякой свободы, ни съ кѣмъ не общается. Поэтому онъ не можетъ развиваться. Моллюски—существа гораздо менѣ совершенныя и развитыя, но болѣе свободныя и у нихъ дѣло обстоитъ иначе. Изъ слизи, выдѣляемой изъ самихъ себя, они дѣлаютъ двѣ стѣнки или створки. Эти створки замѣняютъ имъ панцырь морского ежа и скалу, къ которой онъ присасывается. Онѣ-же образуютъ ихъ домъ. Домъ этотъ легкій и хрупкій. У тѣхъ, которые плаваютъ, онъ прозрачный. У тѣхъ, которые хотятъ прикрѣпляться къ чему-нибудь, слизистое вещество, тягучее и клейкое, образуетъ своего рода якорный канатъ. Мало-по-малу изъ него дѣлается придатокъ, новый органъ, превращающійся въ ногу, сначала безформенную, неопредѣленную, но зато пригодную для всего. Она замѣняетъ плавень для плаваю-

*) Первые 12 главъ были напечатаны въ 18, 19, 20, 21 и 22-мъ №№ „Тропинки“ за 1908 г.

шихъ, пробойникъ или шильце для прячущихся и желающихъ погрузиться въ песокъ и, наконецъ, ногу для ползающихъ. Мало-по-малу эта нога получаетъ способность сжиматься и позволяетъ имъ ползти.

Все это несчастныя существа, предоставленныя на волю всѣхъ остальныхъ обитателей моря. Волна ихъ ударяетъ, скалы ихъ разбиваютъ.

Тѣ, которымъ не удается выстроить дома, ищутъ временнаго убѣжища и живого ложа. Жемчужница, дающая жемчугъ, старается пріютиться въ губкахъ. Легко разбиваемое Морское перо (двустворчатораковинный моллюскъ) рѣшается поселиться только въ илистой травѣ. Камнеточецъ пристраивается въ камнѣ и работаетъ, какъ морской ежъ, но его искусство гораздо менѣе совершенно. вмѣсто удивительнаго рѣзца, которому могъ бы позавидовать любой каменотесъ, у него всего только маленькій скребокъ, и, чтобы вырыть убѣжище для своей хрупкой раковины, онъ расходуетъ эту же раковину. За очень малымъ исключеніемъ, моллюскъ существо робкое, сознающее, что оно представляетъ собою всеобщую пищу. Конусъ настолько хорошо знаетъ, что его подстерегаютъ, что не рѣшается вылѣзть изъ раковины и умираетъ отъ страха умереть.

Свитокъ и Ужовка медленно ташутъ свои хорошенькіе домики и прячутъ ихъ, насколько могутъ. У Шишака, чтобы передвигать его дворецъ, всего одна нога, маленькая, какъ у китаянки. Онъ почти отказывается отъ ходьбы. Таковы жилища и такова жизнь существъ, въ нихъ обитающихъ. Ни у какой другой породы нѣтъ болѣе сходства между гнѣздомъ и тѣмъ, кто въ немъ живетъ. Раковина является продолженіемъ, живымъ плащомъ того, кто ее создалъ. Она повторяетъ его форму и окраску.

Искусство моллюска довольно бѣдное. Неподвижная устрица, которую само море приходитъ кормить, довольствуется простой коробочкой на шалнерахъ. Она пріоткрывается, когда сидящій въ ней отшельникъ принимаетъ пищу, но когда ему кажется, что онъ самъ можетъ попасть на обѣдь или ужинъ къ какому-нибудь прожорливому сосѣду, то онъ быстро ее захлопываетъ.

Жизнь становится болѣе сложной для путешествующаго моллюска, который говоритъ себѣ:

— У меня есть нога, органъ для ходьбы; поэтому я долженъ идти.

Во время ходьбы онъ не можетъ по желанію то брать свой домикъ, то оставлять его. Онъ ему необходимъ въ пути: тогда-то и будутъ на него нападать. Нужно, чтобы домикъ защищалъ хотя бы самую нѣжную часть его существа, то деревцо, которымъ онъ дышетъ и то, маленькими корнями котораго онъ впитываетъ все необходимое для жизни. Голова не такъ необходима. Нѣкоторые моллюски теряютъ ее вполнѣ безнаказанно. Но если бы внутренніе органы не находились подъ щитомъ и были бы ранены, то послѣдовала бы смерть.

Закрывшись панцыремъ, благоразумно ищетъ моллюскъ средствъ къ существованію и въ этомъ занятіи проводить свою маленькую жизнь. День миноваль благополучно, но будетъ ли онъ въ безопасности ночью въ своемъ жилищѣ, раскрытомъ настезь? Не стануть ли къ нему заглядывать нескромные прохожіе и проплывающіе? Какъ знать, не проникнетъ ли къ нему вмѣстѣ со взглядомъ и чей-нибудь зубъ!.. Отшельникъ подумаль объ этомъ и пустиль въ ходъ все свое искусство; но у него нѣтъ другого инструмента, кромѣ ноги, которая ему служить для всего. Нога эта такъ старается, дѣлаетъ такое усиліе, чтобы закрыть домикъ, что на ней съ

теченіємъ времени развивается крѣпкій отростокъ, замѣняющій дверь. Моллюскъ кладетъ его въ отверстие, и вотъ онъ запертъ у себя дома.

Но тогда является новое затрудненіе: моллюскъ долженъ быть защищенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться въ общеніи съ внѣшнимъ міромъ. Онъ не можетъ уединиться, какъ морской ежъ. Его воспитатели, воздухъ и свѣтъ, одни только могутъ укрѣпить его мягкое тѣло, помочь ему выработать себѣ органы. Надо, чтобы онъ приобрѣталъ чувства, слухъ, обоняніе, необходимые путеводители слѣпого. Надо ему добиться и зрѣнія. Но всего болѣе необходимо ему дышать. Это большая работа и самое необходимое отправление. Когда оно дается легко, то никто о немъ не думаетъ. Но если оно прекращается на минуту, какое начинается волненіе!

Неудивительно поэтому, что несчастные затворники, моллюски, задыхаясь подъ своими домиками, изобрѣли тысячу снарядовъ, тысячу клапановъ, которые ихъ немного облегчаютъ. Одинъ дышетъ маленькими пластинками, которыми усажена его нога, другой—особаго рода гребешкомъ, третій—выпуклой частью своей раковины, другіе—удлиненными нитями. У иныхъ на боку хорошенькіе султанчики или на спинѣ крошечное деревцо. Оно дрожить, двигается то туда, то сюда, дышетъ. Эти органы, такіе нѣжные, боящіеся каждаго пораненія, принимаютъ очаровательныя формы. Можно подумать, что они хотятъ понравиться, растрогать, что они просятъ пощады. Въ своемъ невинномъ притворствѣ они принимаютъ все формы, все цвѣта. Эти маленькіе ребята моря, моллюски, со своими дѣтски-очаровательными фантазіями и обманами, со своими богатыми оттѣнками, составляютъ вѣчный праздникъ моря, его красу. Какъ бы ни было оно сурово, оно не можетъ удержаться отъ улыбки.

А вмѣстѣ съ тѣмъ эта робкая, пугливая жизнь полна печали. Нельзя допустить, чтобы она не страдала отъ своего вынужденнаго заключенія, прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ, нимфа моря, морская улитка, называемая Морское ушко. У нея есть нога, она можетъ двигаться, но не смѣетъ.

— Кто тебѣ мѣшаетъ?

— Боюсь... краббъ меня подстерегаетъ; стоитъ мнѣ раскрыть раковину, онъ тутъ, какъ тутъ. Множество хищныхъ рыбъ плаваютъ надъ моею головою. Жестокій человѣкъ, такъ восхищающійся мною, наказываетъ меня за мою красоту. Въ водахъ всего земного шара меня преслѣдуютъ и нагружаютъ мною суда.

Не смѣя выйти, несчастная избрѣла ловкій способъ добыванія воздуха и воды. Въ своемъ домочкѣ она продѣлываетъ крошечныя окошечки, идущія къ ея маленькимъ легкимъ. Но голодъ заставляетъ ее отваживаться. Къ вечеру она начинаетъ немного ползать кругомъ и кормится кое-какими растеніями, составляющими ея единственную пищу. При всей ея красотѣ, требованія у Морского ушка и ему подобныхъ самыя небольшія. Главная ихъ пища—это свѣтъ. Онѣ пьютъ его, проникаются имъ, окрашиваютъ его радужными цвѣтами свои внутреннія помѣщенія. Подобно восточнымъ дворцамъ съ ихъ унылыми внѣшними стѣнами, скрывающими внутри чудеса роскоши, раковины этихъ моллюсковъ снаружи грубы, а внутри поражаютъ, ослѣпляютъ своею красотой. Морскія ушки живутъ въ перламутрово-лунномъ сумракѣ. Это большое утѣшеніе—имѣть если не солнце, то по крайней мѣрѣ собственную луну, цѣлый крошечный міръ нѣжныхъ оттѣнковъ, вѣчно мѣняющихся въ своей неизмѣнности и придающихъ этой неподвижной жизни разнообразіе, необходимое для каждаго живого существа. Каждый день, Морскія ушки, хотя и слѣпыя, чувствуютъ возвращеніе

свѣта, жадно ловятъ его, принимаютъ въ себя, любятъ имъ всѣмъ своимъ прозрачнымъ тѣльцемъ. Когда свѣтъ исчезаетъ, они сохраняютъ его въ себѣ, таятъ, какъ свѣтлую мечту.

Если бы моллюски могли быстро двигаться, они конечно устремлялись бы на встрѣчу солнцу. Прикованные къ порогу своихъ маленькихъ жилищъ, какъ индійскій жрецъ, браминъ, погруженный въ возвышенныя размышленія у дверей своего храма, пагоды, они безмолвно возносятъ въ даръ солнцу всю радость, которую оно имъ даетъ и свое стремленіе къ нему. Это первый проблескъ любви и молитвы, расцвѣтающій въ перламутровой мглѣ.

Одинъ святой предпочиталъ всѣмъ молитвамъ одно восторженное восклицаніе: „О!“ которымъ довольствуется небо. Когда индусъ произноситъ это восклицаніе на зарѣ, онъ знаетъ, что міръ невинныхъ существъ, перламутра, жемчужинъ и скромныхъ раковинъ, присоединяется къ нему изъ глубины морей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Шарады.

4. Когда мой первый слогъ вошелъ въ употребленье,
Все—потеряло прежнее значенье,
Хоть часто и теперь его употребляютъ.
Конецъ мой—человѣка украшаетъ,
А также иногда имъ обладаетъ звѣрь,
Надѣюсь, разгадать не трудно вамъ теперь?

5. Я пріятенъ въ жаркій день.
Отдохнуть въ меня идите.
Букву первую потомъ
Новой буквой замѣните.
Въ землю я тогда уйду
И предамся весь труду.

6. Съ одной головкой—я черна,
Съ другой—еще чернѣе,
Съ одной—хозяину нужна,
Съ другой—еще нужнѣе.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 1-мъ №.

Ребусъ № 1.

Нужно выработать силу воли и твердый характеръ:
нельзя знать, какая доля кого ожидается.

Шарады.

1. Громъ—гномъ.
 2. Столъ—стонъ.
 3. Лиманъ—лимонъ.
-

Хуторъ. Открыта подписка на 1909-й годъ, IV-й годъ изданія, со множествомъ рисунковъ въ текстѣ и многими отдѣльными приложениями, практической сельско-хозяйственной журналъ, имѣющей задачей распространять практически-полезныя по сельскому хозяйству свѣдѣнія, главнымъ образомъ пригодныя для небольшихъ и крестьянскихъ хозяйствъ. Выходитъ ежемѣсячно, подъ редакціей ученаго агронома П. Н. Елагина (основателя и бывшего редактора журналовъ «Деревня» и «Крестьянское Хозяйство»). «Хуторъ» допущенъ въ библіотеки всѣхъ учебныхъ заведеній и въ народныя читальни.

Крестьяне, нынѣ заводящіе свои «хутора», нуждаются въ правильныхъ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ, которыя они и найдутъ въ журналѣ «Хуторъ». Хозяйства при народн. училищахъ, церковныхъ причтовъ, подгородныхъ усадьбы, — все это также можно назвать «хуторами» и при соответственныхъ познаніяхъ на много увеличить ихъ доходность. Служить интересамъ именно такихъ небольшихъ хозяйствъ и крестьянъ, работающихъ на своей землѣ, въ своихъ «хуторахъ» — и есть назначеніе нашего изданія. Исключительно практическое направленіе журнала «Хуторъ» даетъ намъ возможность отвѣчать на назрѣвшія нужды «хуторянъ», удовлетворять ихъ отвѣтами на вопросы: какъ и что нужно сдѣлать, чтобы правильно устроить такія хозяйства и поднять ихъ доходность.

«Хуторъ» отмѣченъ многими отличными отзывами. Напримѣръ: «Вѣстникъ Ярославскаго Земства»: «Содержаніе журнала «Хуторъ» имѣетъ чисто практической характеръ, статьи написаны общепонятнымъ и яснымъ языкомъ и снабжены массою хорошо выполненныхъ рисунковъ. Этотъ журналъ даетъ много полезныхъ указаній и совѣтовъ». Журналъ «Пчеловодная Жизнь»: «Хуторъ» — при крайне скромной подписной цѣнѣ ежемѣсячно даетъ обьемистыя книжки съ очень интереснымъ и полезнымъ содержаніемъ. Каждый хозяинъ въ немъ найдетъ немало дѣльныхъ и полезныхъ указаній для своего хозяйства и тѣмъ скорѣе окупитъ затраченныя на выписку журнала деньги». Журналъ «Дружескія Рѣчи»: «Хуторъ» можетъ служить прекрасною настольною книгою для справокъ по разнообразнымъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ — скотоводству, полеводству, огородничеству, садоводству, пчеловодству и др.

Программа журнала: всѣ отрасли сельскаго хозяйства, ремесла и домоводство. Бесплатныя приложения: 1. Чертежи и планы сельско-хозяйственныхъ построекъ. 2. Сѣмена лучшихъ сортовъ огородныхъ, полевыхъ и луговыхъ растений.

Подписная цѣна: съ дост. и пересылкою два руб. въ годъ. Адресъ: Журналъ «Хуторъ». С.-Петербургъ, Соляной пер., д. 9—1.

2—1

Начальное Обученіе. Годъ изданія—девятый. Принимается подписка на 1909 г. на педагогической журналъ, приложение къ Циркуляру по Казанскому Учебному Округу. 12 вып. въ годъ. Цѣна—одинъ рубль, за границу 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ канцеляріи Попечителя Каз. Учебн. Округа. «Начальное Обученіе» будетъ выходить въ 1909 году ежемѣсячно, въ объемѣ отъ двухъ до трехъ печатныхъ листовъ, по программѣ, состоящей изъ двухъ отдѣловъ: официальной и неофициальной. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: а) Высочайшія повелѣнія, относящіяся къ начальнымъ народнымъ училищамъ, б) распоряженія Министерства народнаго просвѣщенія, окружного начальства, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, а также училищныхъ совѣтовъ. Во второй отдѣлѣ входятъ: а) статьи по начальному обученію и воспитанію, б) примѣрные уроки по предметамъ начального обученія, в) статьи по вопросамъ о вѣтшкельномъ образованіи, г) постоянные отдѣлы: изъ жизни начальной школы, изъ педагогическихъ газетъ и журналовъ, воспитаніе и начальное образование за границей и библіографія. Гонораръ за статьи -- въ размѣрѣ отъ 16 до 32 р. за печатный листъ. Въ виду поступающихъ запросовъ на журналъ «Начальное Обученіе» за прежніе годы, редакція объявляетъ, что въ ея распоряженіи имѣется небольшое количество экземпляровъ «Начального Обученія» за 1902, 1904, 1905, 1906 (за 1907 г. нѣтъ) и 1908 гг. Цѣна экземпляра за каждый годъ—одинъ рубль. Плата за объявленія (о книгахъ и учебныхъ пособіяхъ) позади текста:

За одну страницу объявленій мелкимъ шрифтомъ каждый разъ взимается 20 р., за полстраницы—10 р. и за четверть страницы—5 р.

2—1

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятыя рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворяетъ не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р., къ 1-му Мая.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

4-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нр.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждаго мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

К. Бальмонтъ, А. Вахтаровъ, М. С. Везобразова, А. Блокъ, Л. Бѣльскій, О. Бѣляевская, Л. Василевскій, Э. Венгерова, А. Вережниковъ, Е. Волочкова, И. Гинцбургъ, Э. Гишпюсъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, С. Кондурушкинъ, проф. Н. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасина, Д. Мережковский, В. Малахова-Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Насвѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Э. Пименова, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, М. Сабашникова, К. Соколовъ, Э. Сологубъ, П. Соловьева, (Allegro), С. Соловьевъ, Евг. Соловьева, А. Н. Толстой (Мирза Тургенъ), В. Успенскій, Н. Шапиръ, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмица, Е. Юнге и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

И. Билибинъ, Т. Гишпюсъ, В. Замирайло, Е. Кавось-Зарудная, Д. Крутликowa, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Allegro), М. Сабашникова, Е. Чичагова-Россинская, Е. Юнге и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой **3** руб., на полгода **2** руб., за границу **5** руб.

Комплекты 1906 и 1907 гг. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Марининскаго театра, № 6.

Телефонъ **297—55.**

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Н. Манасина.*